ЧАСТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

ЛЕКЦИЯ 27. ТЕМА 3.3. ТЕМА РОДИНЫ, ТРЕВОГО ЗА СУДЬБУ РОССИИ В ПОЭЗИИ БЛОКА. ПОЭМА «ДВЕНАДЦАТЬ» (ОБЗОР)

Исторический контекст и история создания

Поэма «Двенадцать» написана А. А. Блоком в январе 1918 года — через два месяца после Октябрьской революции, в дни, ознаменованные Брестскими переговорами, началом Гражданской войны, красным террором, обстрелом Кремля, голодом и уличными самосудами. Замысел поэмы вырос из статьи «Интеллигенция и революция», завершавшейся знаменитым призывом «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»: для Блока революция была прежде всего «музыкой», стихией, которую надлежит услышать, а не оценить политически. Показательно, что поэт начал работу с середины — по воспоминаниям первого иллюстратора поэмы Ю. П. Анненкова, со слов «Уж я ножичком полосну, полосну!», после чего «разом» были написаны первые восемь глав.

Первым поэма была опубликована 3 марта 1918 года в газете левых эсеров «Знамя труда», а весной того же года вышла отдельной книгой в издательстве «Алконост» с графическими иллюстрациями Ю. Анненкова, которых Блок назвал «параллельным графическим текстом поэмы». В авторской записной книжке 29 января 1918 года, завершая работу, Блок записал знаменитые слова о том, что поэт ставит Христа впереди, «если весь смысл изобразить сквозь метель и душу видит великое».

Сюжетная основа

Сюжетная основа поэмы — ночной рейд красногвардейского патруля по революционному Петрограду в метель. По ходу шествия развёрнута галерея персонажей «старого мира»: буржуй на перекрёстке, поп, «писатель-вития», барыня в каракуле, старушка. В центре сюжета — любовная драма: один из двенадцати, Петруха, убивает Катьку, изменившую ему с Ванькой, бывшим красногвардейцем, ушедшим в «старый мир». Убийство становится кульминацией поэмы; далее следует сцена раскаяния Петрухи («Ох, товарищи, родные, / Эту девку я любил…»), которое подавляется хором революционного марша. Финальная, двенадцатая глава содержит появление образа Христа, идущего «в белом венчике из роз» впереди двенадцати с «кровавым флагом».

Композиция

Композиция поэмы подчинена числу двенадцать: поэма состоит из двенадцати глав, и в центре её — двенадцать красногвардейцев. Композиция кольцевая: в первой и последней главах изображён петроградский пейзаж («Чёрный вечер. / Белый снег» — начало; вьюга и ветер — конец), обе главы построены на антитезе, однако если в первой главе пространство сужается до конкретных примет города (канат между зданиями, плакат «Вся власть Учредительному собранию!»), то в двенадцатой оно расширяется, выводя шествие «в даль». ru.ruwiki.ru +1

Исследователи (в частности, М. Б. Плукша и авторы школьных разборов, опирающиеся на традицию анализа) отмечают зеркальное соотнесение глав: первая соотносится с двенадцатой, вторая — с одиннадцатой и так далее:

Пара глав	Что объединяет
1 и 12	Пейзаж, ветер и вьюга, антитеза
2 и 11	Маршевое движение («Идут двенадцать человек» / «И идут без имени святого»)
3 и 10	Песенные, частушечные четверостишия, многоголосие

Пара глав	Что объединяет
4 и 9	Образ «врага»: Ванька и буржуй
5 и 8	Монологи Петрухи, мотив мести
6 и 7	Кульминация: убийство Катьки, диалоги

Принцип построения поэмы исследователи определяют как монтажный: смена отдельных зарисовок, звучащих как обрывки реального революционного города, передаёт хаос и стихийность происходящего.

Интонация и строфика

Поэма построена на полифонии: помимо голоса автора-повествователя, звучат голоса героев и «голос города» — лозунги, призывы, реплики, обрывки песен. Жанровая основа интонации крайне разнообразна: частушка, марш, романс, молитва, блатная песня, уличный куплет. Лексика контрастно сочетает высокое, почти библейское, и грубое просторечие. Б. М. Гаспаров отмечал, что в «Двенадцати» «нагромождаются, цитируются, пародируются многие культурные контексты революционной России — от политических лозунгов до нового, выплеснувшегося на улицу жаргона».

Стихотворный строй поэмы преимущественно дольник; строфическая структура меняется, рифмовка намеренно варьируется. Отдельно следует выделить девятую главу, построенную как пародия на стихотворение Ф. Н. Глинки «Песнь узника» («Не слышно шуму городского, / Над невской башней тишина…») и звучащую как романс. Ю. Н. Тынянов писал о финальной строфе: «последняя строфа высоким лирическим строем замыкает частушечные, намеренно площадные формы… само произведение является как бы вариациями, колебаниями, уклонениями от темы конца». В финале ритм переходит в чёткий четырёхстопный хорей («Так идут державным шагом…»), придавая шествию торжественность, отличную от общей ритмической нестройности поэмы.

Символическая система

Символика поэмы многослойна и составляет её художественное ядро.

• **Число двенадцать** — центральный символ, вынесенный в название. Оно соотносится с двенадцатью апостолами и одновременно с двенадцатью разбойниками — Блок вспоминал поэму Н. А. Некрасова об атамане Кудеяре и его двенадцати разбойниках. Ещё одно толкование — полночь, время перехода, восходящее к молитве «Се Жених грядет во полунощи…». Таким образом, «двенадцать» — символ пограничности, конца старого и начала нового.

• **Ветер, вьюга, метель** — образ революционной стихии; Блок опирается на традицию изображения народного бунта через природную бурю (сопоставление с изображением Пугачёвского восстания в «Капитанской дочке» Пушкина).

• **Цветопись** — чёрный вечер, белый снег, красный флаг: антитеза тьмы и света, осложнённая кровью.

• **«Мировой пожар»** — символ вселенской революции («Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем»).

• **Голодный пёс** — образ «старого мира», бесовский образ в фольклорной традиции (ср. маскировку Мефистофеля в «Фаусте»); в финале пёс зарифмован с Христом, что подчёркивает их противостояние.

• **Красный флаг** — по авторскому пояснению Блока, символ настолько мощный, что «под ним мыслится кто-то огромный».

Философская проблематика

Философская проблематика поэмы связана с вопросами о природе революции, о нравственной цене исторического перелома и о судьбе России. Прежде всего это

проблема соотношения **стихии и нравственного закона**: революция изображена как неуправляемая сила («свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!»), в которой мораль временами как бы отменяется. Личная, интимная драма Петрухи и убийство Катьки ставят вопрос о соотношении личного и исторического: убийство мотивировано ревностью, но растворяется в революционном хоре, что создаёт нравственную тревогу текста.

Сопоставление старого и нового миров — вторая философская линия поэмы. Старый мир дан через снижение (буржуй, поп, барыня, старушка) и ассоциируется с гибелью, голодным псом; однако в образе «двенадцати» наблюдается двоение: они одновременно и «апостолы новой веры», и шайка разбойников — исследователи отмечают, что отряд лишён командира, «шайка разбойников, но без атамана», «апостолы новой веры, но без Учителя». Третья линия — тема пути: шествие двенадцати от «свободы без креста» к фигуре «в белом венчике из роз» трактуется как движение от хаоса к возможному очищению, к историософскому вопросу «что впереди?».

Неоднозначность трактовок финала

Финал поэмы — появление Христа — стал предметом многолетней полемики, разорвавшей, по выражению исследователей, читателей «на два непримиримых лагеря». Сам Блок, отвечая на вопрос о смысле этого образа, признавался: «Не знаю, так мне привиделось. Я разъяснить не умею. Вижу так». В записной книжке 18 февраля 1918 года поэт писал: «Что Христос идет перед ними — несомненно. Дело не в том, „достойны ли они Его“, а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет, а надо Другого».

Сложились несколько основных интерпретаций финала:

1. **Христос ведёт двенадцать, освящая революцию.** Красногвардейцы уподобляются апостолам новой веры; Христос — символ преображения мира.
2. **Христос — Антихрист.** Двенадцать идут «без креста» и «без имени святого»; идущая впереди фигура воспринимается как антипод, а не подлинный Спаситель.
3. **Христос — акт искупления и очищения.** По одной из трактовок, отражённой в черновой записи Блока о разбойнике, прощённом рядом с Христом, явление Спасителя — не «освящение» разгула, а залог будущего очищения.
4. **Христос — образ, приходящий как жертва.** Согласно В. М. Ходасевичу и ряду исследователей, двенадцать стреляют в фигуру «товарища» с красным флагом, и, таким образом, осуществляют «давно задуманное кощунство», но «невредимый для пуль» Спас не покидает их.
5. **Христос как образ народной веры.** Исследователи отмечают, что это не Христос канонического православия и не Христос Э. Ренана, а «Спас» тёплой народной веры, каким его видел поэт; финал тяготеет к святочной мистерии.

Показательно и то, как разные общественные силы воспринимали поэму. Для части русской эмиграции «Двенадцать» стала подтверждением предательства интеллигентом своего класса, для новой власти — «своим» произведением о революции; при этом и официальная советская критика смущалась образом Христа и изображением красногвардейцев разбойниками. Л. Д. Троцкий в «Литературе и революции» оценивал поэму как наиболее значительный художественный отклик на события эпохи, отмечая при этом, что Блок относится к революции не идеологически, а поэтически.

Современное литературоведение исходит из того, что образ Христа в «Двенадцати» — образ не логический, а символический, музыкальный; он не сводим ни к одному из идеологических прочтений, а сам факт его появления у Блока, по мнению Д. С. Магомедовой, не был случайным: поэт был убеждён в органичности именно такого завершения.

ЧАСТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

Место поэмы в творчестве и судьбе Блока

Поэма «Двенадцать» и примыкающее к ней стихотворение «Скифы» стали последними крупными поэтическими свершениями Блока: после 1918 года творчество поэта практически замирает, на вопрос о причинах он отвечал: «Все звуки прекратились… Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?». Судьба поэмы оказалась двойственной: при жизни автора её публиковали и в Советской России, и за рубежом; после смерти поэта «Двенадцать» вошла в центр советского поэтического канона, а неудобное место первой публикации в левоэсеровской газете было забыто. Вместе с тем именно двусмысленность финала обеспечила поэме постоянное читательское и исследовательское внимание: в каждом толковании, как отмечал ещё сам Блок, «своей доли правды».

Таким образом, «Двенадцать» представляет собой не столько политическую апологетику революции, сколько попытку передать «музыку» эпохи — её стихию, её страхи и её надежды — и одновременно поставить вопрос о нравственной и религиозной цене исторического перелома, оставив его открытым для читателя.